

ВОЛЬНЫЙ 8 ЛЕКАРЬ

СТУДЕНТ

СЕРГЕЙ КАРЕЛИН

ЕГОР ЗОЛОТАРЕВ

Вольный лекарь

Сергей Карелин

Вольный лекарь. Студент. Том 8

«Автор»

«Автор»

2026

Карелин С. В.

Вольный лекарь. Студент. Том 8 / С. В. Карелин — «Автор»,
«Автор», 2026 — (Вольный лекарь)

Несмотря на козни одного профессора, я смог поступить в медицинскую академию. Однако мою радость омрачила дурная весть: Полина и Сергей пропали по пути в Москву. Я должен их найти, ведь только у меня есть руны-следопыты. Но и это еще не все горести: с юга по империи расходуется эпидемия неизвестной болезни. Мне нужно решить все проблемы за три недели – до начала занятий.

© Карелин С. В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Егор Золотарев, Сергей Карелин

Вольный лекарь. Студент. Том 8

Глава 1

Я всматривался в текст телеграммы, но будто не мог понять смысл написанного. Что значит «Полина и Сергей не добрались до Москвы», если давно должны быть здесь? Куда запропастились?

— Что случилось? Кто эти люди? — встревожился Анатолий Ренатович.

— Мои друзья. До сих пор не добрались из Иркутска до Москвы, — упавшим голосом ответил я, чувствуя, как сама мысль о том, что с Полиной что-то случилось, словно тиски сдавливала сердце.

— Не надо сразу думать о плохом. Сам знаешь, какая дорога. Может, задержки рейсов или просто решили не торопиться.

— Нет, этого не может быть. Полина готовилась к поступлению в женскую гимназию и говорила, что экзамены у нас должны быть в одно время. Я выехал раньше, потому что... — мне вдруг стало стыдно признаваться лекарю в том, что я был вынужден бежать из города. — В общем, я выехал раньше, но в пути случалось много разного, поэтому сильно задержался. Я думал, что они уже обошли меня, а, оказывается, их в Москве нет, а старший Базаров поехал на их поиски.

— Базаров? — задумался Анатолий Ренатович. — Кто такой этот Базаров?

— Фабрика у него текстильная в Иркутске.

— А-а, из промышленников, — кивнул он. — Тогда деньги должны водиться. Небось уже нанял людей, которые пустились по следу твоей Полины.

— Скорее всего, так и есть, — согласился я.

— Ты все равно ничего не сможешь сделать. Поэтому не тревожься зря. Если бы пароход утонул или дирижабль упал — давно бы все газеты трубили. Значит, ничего плохого не случилось, — попытался он успокоить меня.

— А если бы на них в дороге разбойники напали, об этом тоже бы написали?

— Ну... Если где-то поблизости, то, возможно, и написали, — с сомнением ответил он. — Если в другой губернии, то только в местных новостях сообщили бы о найденных телах или заброшенном экипаже.

После этих слов мне стало не по себе. А что, если и вправду их убили? Нет-нет, не буду думать о плохом. Сергей рассказывал, что он отличный фехтовальщик и хорошо стреляет, поэтому смог бы расправиться с обычными придорожными разбойниками. Или не смог? Эх, зря я уехал один. Надо было остановиться в какой-нибудь деревеньке под Иркутском и отправить им весточку. Вместе бы поехали в Москву.

— На тебе лица нет, — Анатолий Ренатович налил воды и протянул мне стакан. — Попей и выдохни. Уверен, скоро все разъяснится, и твои друзья найдутся. Кстати, на чем они ехали и где пропали?

— Ничего не знаю, — мотнул головой.

— Вот поэтому надо сначала все выяснить, а не придумывать себе всякого. Как говорится, утро вечера мудренее. Ложись спать, а завтра подумаем, как действовать. У меня есть знакомые в разных городах. Если понадобится — всех на уши подыму, — пообещал он.

— Вы правы, — я залпом выпил воду, отнес стакан на кухню и поднялся к себе.

Приняв душ, еще долго лежал в кровати, глядя на светлый лик луны и думая о Полине и Сергее. Я про них ничего не знал с того самого дня, как уехал из Иркутска. Мы договарива-

лись, что будем путешествовать на дирижаблях, ведь это самый быстрый способ добраться до нужного места, но они могли все переиграть, потому что, как оказалось, это не самый надежный способ передвижения.

Возможно, они решили продолжить путь на экипаже. У Базаровых породистые и быстрые скакуны, на которых можно положиться в долгой дороге. Или до самого Нижнего Новгорода плыли на пароходе, а потом пересели на поезд. Или рискнули и полетели на дирижаблях. Гадать можно было бесконечно, поэтому я решил последовать совету Анатолия Ренатовича и лечь спать. Завтра напишу Илье, чтоб выяснил подробности.

Архимонах Прокопий Рязанов сидел в кресле в своем кабинете на самом верхнем этаже Святилища и, сложив молитвенно руки, просил помощи у своего божества Истинного. Только что ему доложили о том, что случилось с Рачковым и что сибирский знахарь жив и невредим.

— ...умоляю, направь меня по верному пути и дай силы справиться с врагами нашего ордена, — закончил он свою речь, склонил голову перед оком в треугольнике, которое грозно смотрело на него со стены, и совершенно без сил откинулся на спинку кресла.

Из-за всех переживаний, которые выпали на его долю в последние дни, к нему вернулась давняя болезнь, что ломала кости по ночам и не давала спать.

Архимонах повернулся к светлеющему небу и почувствовал себя таким слабым и ничемным, что сердце защемило от жалости к себе. Он всю жизнь шел к посту, который занимал, но сейчас понял, что недостойн его: прихожан становилось все меньше, казна ордена таяла на глазах, служители все чаще действовали не во благо Истинного, а ради собственных амбиций. В прошлом году служитель одного из храмов назвал уважаемого человека Пособником тьмы и, подговорив десяток прихожан, намеревался поджечь его имение, но был схвачен и на допросе признался, что просто обиделся на человека за то, что тот недостаточно крупную сумму положил в ящик для пожертвований. Об этом прознали газетчики и раструбили на всю империю. После этой истории прихожан стало еще меньше, чем было.

Два месяца назад, как раз к ужину, прямо в резиденцию заявился сам начальник канцелярии военного министра — суровый мужчина с пышными усами и цепким взглядом, и недвусмысленно намекнул, что если уж орден занимается избавлением империи от Тьмы, то пусть это делает не так открыто и тщательно подчищает за собой. Прокопий сразу понял, о чем речь, ведь как раз накануне один из его людей доложил, что найден маг, владеющий даром управления огнем. Двое из личной охраны главы «Лика Истинного» должны были подстроить несчастный случай, в результате которого маг бы погиб, но тот оказался живуч и, мало того, побежал прямо к военному министру и рассказал о том, что произошло. Он не смог доказать, что все было подстроено и что к этому делу причастен архимонах, но все понимали, чьих рук это дело.

Известие, полученное сегодня, полностью выбило его из колеи, отчего промелькнула мысль оставить пост главы ордена и уйти на покой, но он взял себя в руки и разорвал бумагу, на которой уже начал писать причину своего поступка. Загадочная смерть Рачкова, который буквально на ровном месте упал и умер, вызывала множество вопросов. Но больше всего его интересовало, почему сибирский знахарь до сих пор жив. Неужто у опытного наемника дрогнула рука? Или он пожалел юношу? И что на самом деле произошло в доме лекаря Калинина? На все эти вопросы никто из тех, кто был приставлен следить за наемником, не смог ответить. Как и на вопрос, почему Рачков вломился в дом, когда в нем были пожилые супруги, но не было знахаря?

— Истинный, укажи мне верный путь, — со вздохом отчаяния прошептал архимонах и поднялся с кресла.

Сегодня была служба, а это значит, что прихожане оставили деньги в ящике для пожертвований. Он любил лично их пересчитывать, прежде чем класть в сейф.

Прокопий Рязанов мечтал о лифте, которые появились в доходных домах. Это изобретение здорово бы облегчило его жизнь, ведь почти каждый день, а иногда и не по одному разу, приходилось спускаться и подниматься на четвертый этаж, в кабинет.

Однако в этот раз спускаться он не захотел и, приоткрыв дверь, велел охранникам, что сопровождали его повсюду:

— Поднимите сюда ящик для пожертвований.

— Но ведь... — хотел было возмутиться один из охранников, но второй ткнул его локтем в бок, и тот замолчал.

Архимонах понимал, что это непростая задача, ведь сам ящик был отлит из чугуна и вмурован в массивный гранитный блок — такой не сможет украсть незаметно ни один вор. Но и жалеть кого-то кроме себя не хотел.

Приказав слуге, что сидел в его приемной и вел учет посетителей, принести чай с пирожными, он вновь вернулся за свой стол и грузно опустился в кресло. Архимонаху казалось, что из-за болезни ломит все суставы, и он мечтал поскорее вернуться домой, лечь в мягкую постель и велеть слуге смазать суставы камфорным маслом. Однако дела ордена были превыше всего. Нужно посчитать деньги и решить, что делать с сибирским знахарем.

Вскоре слуга принес поднос, поставил его на стол перед Прокопием и поспешно вышел. Архимонах с наслаждением откусил пирожное с белковым кремом и запил крепким черным чаем. Это несколько взбодрило его, поэтому к тому моменту, когда охранники, обливаясь потом, затащили в кабинет ящик для пожертвований, Рязанов уже находился в приподнятом настроении.

Открыв замок ключом, что висел на шее, он откинул крышку и с раздражением выдохнул. Даже без пересчета было понятно, что денег явно меньше, чем на прошлой неделе. Прокопий выгреб все до последней копейки на свой стол и начал считать, делая пометки в учетной книге, чтобы не запутаться. Сначала посчитал крупные купюры — их бросали зажиточные дамы и делали это демонстративно, чтобы все видели, насколько они щедры. Затем купюры помельче — эти в ящик опускали люди семейные, которые приводили в Святилище детей и приучали к набожности. В самом конце пересчитал засаленные копейки, какие обычно бросают в ящик старухи, когда деньги уже на исходе, но грешно уйти, не поблагодарив за проповедь.

Написав окончательную сумму, он горестно вздохнул. Всего двести тридцать пять рублей восемьдесят три копейки. В былые времена за одну службу пожертвований было не меньше тысячи, а теперь — жалкие крохи.

Положив деньги в сейф, он снова позвал охранников, чтобы те вернули ящик на место. Мужчины повздыхали, но послушаться не осмелились. Как только их шаги стихли за дверью, архимонах вернулся ко второй проблеме, а именно — к знахарю Устинову.

С одной стороны, знахарь не был злодеем, который с помощью своей способности занимается разбоем или другим предосудительным делом. Но, с другой стороны, он — маг, а это значит, что в себе носит часть той Тьмы, о которой предупреждали еще несколько столетий назад праотцы-создатели ордена «Лик Истинного».

Прокопий недолго сомневался. Решение было принято примерно через две минуты с того момента, как он вообще задумался о знахаре.

Допив уже остывший чай, он съел последнее пирожное и вышел из кабинета.

— Меня сегодня больше не будет, — сказал он слуге и подошел к винтовой лестнице.

От мысли о том, что придется пройти столько ступеней, ему стало не по себе. Суставы отзывались болью при каждом движении, поэтому лестницы были для него настоящей катор-

гой. Обычно его страховали охранники, но сейчас их здесь не было, ведь до сих пор откуда-то снизу доносилось их кряхтение.

Выдохнув, он вцепился в резные перила и начал спускаться. Ноги слушались с трудом, пальцы ныли, но он понимал, что, как только покажет посторонним свою слабость, тут же станет уязвим. У главы ордена не может быть болезней, иначе быстро найдутся те, кто захочет сместить его с этого поста.

Утром я поехал навестить Наталью. Зарубин, как и доктор, который ее наблюдал, удивлялись тому, как быстро женщина идет на поправку. Никто, включая саму больную, не знал, что это я применил свои способности и помог в лечении.

— Это все потому, что я к детям хочу, — призналась Наталья, когда лекари оставили нас одних. — Душа не на месте. Как они там без меня?

— Вчера я к ним заглядывал... — начал было я, но женщина прервала меня.

— И как они? Муж мой дома был? — спросила она, вперившись в меня встревоженным взглядом.

— Да, все хорошо. Сидели за столом, ужинали, — соврал я. Ни к чему расстраивать больную женщину. — За вас беспокоились, но я сказал, что операция прошла хорошо.

— За столом ужинали? Хм, — похоже, не такого ответа она ждала.

— Если хотите, я могу и сегодня сходить.

— Ой, а вам не трудно? Как-то неудобно вас просить.

— Не трудно, все равно по пути.

— Тогда, если позволите, я напишу им несколько слов, чтобы детки мои не боялись за меня. Они у меня грамотные. Только малыши читать не умеют. Подождете?

— Пишите, — кивнул я и подвинул к ней чернильницу, стоящую на тумбочке, дал в руки перо и лист бумаги.

Женщина немного приподнялась, обмакнула перо в чернила и принялась выводить буквы. Было видно, что письмо дается ей с трудом, и почти в каждом слове есть ошибка, но смысл был понятен.

— Вот, передайте от меня, — она сложила лист вчетверо и отдала мне. — И скажите, что, как только поправлюсь, вернусь домой и петушков на палочке каждому куплю. Они у меня петушков страсть как любят.

— Хорошо, выздоравливайте, а я к вам еще загляну.

Перед тем как уйти, я взял ее руку и быстро нарисовал руну «Исцеления», чтобы ускорить заживление. Женщина внимательно посмотрела на меня, затем — на свою руку и расплылась в улыбке.

— Я чувствую. Я все чувствую, — прошептала Наталья.

— Что вы чувствуете?

— Тепло по всему телу, когда вы вот так пальцем по руке водите. Вы меня лечите.

Она не спрашивала, а утверждала. Я лишь пожал плечами, развернулся и двинулся к двери.

— Спасибо! Спасибо за все! — крикнула она мне вслед.

Я вышел из больницы и направился на улицу Харитонова к дому Натальи. По пути купил сладостей, хлеба и молока. Еще издали увидел детей, которые носились по двору. Отец семейства с опухшим лицом, но трезвый, сидел на крыльце и держал на коленях ребенка. Увидев меня, он поднялся на ноги, опустил ребенка в траву и пошел мне навстречу.

— Здорово, — он первым протянул мне руку. — Дети мне все рассказали. Благодарствую за помощь.

Я пожал ему руку и отдал письмо Натальи.

— Жена ваша идет на поправку. Скоро будет дома. Вы — человек взрослый и сами решаете, что делать со своей жизнью, но теперь на вас дети. Уж постарайтесь не пить и получше заботиться о них, чтоб голодными не сидели, — строго сказал я и переключил зрение.

Мне хотелось понять, почему к мужчине прицепилась эта пагубная привычка. Уж не проделки ли сущности? Однако в его голове не было никакого подселенца, только боль после спиртного, которую я лечить точно не буду. Сам пил — пусть сам и страдает.

— Да знаю я, — он махнул рукой и стыдливо опустил голову. — Самому стыдно за вчерашнее. Мне ведь все начали говорить, что Наташка моя помрет. Если не болезнь ее убьет, то операция уж точно. Вот я и сорвался.

— Держите, — я отдал ему кульки с едой и предупредил: — Я буду заглядывать, пока Наталья не вернулась домой.

Погладив по курчавой голове малыша, который приполз к моим ногам и с интересом рассматривал меня, я развернулся и двинулся к калитке.

— Почему ты заботаешься о нас, хотя мы даже не знакомы? — бросил мне вслед мужчина.

— Не могу иначе, — ответил я и бодро зашагал по дороге в сторону телеграфной станции.

Я не мог сидеть сложа руки, пока Полина в беде, поэтому намеревался выяснить побольше сведений и тоже поехать на ее поиски. В телеграмме попросил Илью еще раз сходить к Базаровым и поговорить с дворецким. Возможно, ему что-то известно. Анатолий Ренатович прав, сейчас бессмысленно что-то предпринимать, ведь я даже не знаю, сколько они с Сергеем проехали и где потерялись. А может, они пропали уже в Москве? Или совсем недалеко уехали от Иркутска? Как бы то ни было, но мне нужно больше данных, чтобы хотя бы знать, откуда начать.

Расплатившись за телеграмму, я вышел на улицу и услышал крик разносчика газет:

— Срочные новости! Неизвестная болезнь добралась до Краснодара! Страдает целый город! Никто не знает, как остановить эпидемию! Срочные новости!

Час от часу не легче.

Глава 2

Все газеты трубили о распространении неизвестной болезни. Мы с Анатолием Ренатовичем прочли все, что было написано на эту тему. Выяснилось, что первые заболевшие живы, но почти не двигаются. Их кормят и поят с помощью специальных трубок, ведь сами они так ослабли от продолжительной болезни с высокой температурой, что не в состоянии позаботиться о себе.

— Как же они не могут разобраться с тем, что происходит? — лекарь мерил шагами столовую. — Ведь не в каменном веке живем. Уж с температурой-то могли справиться. Обертывания, холодные компрессы, чай с малиной, наконец! — возмущался он.

— Толя, успокойся. От того, что ты нервничаешь и переживаешь, ничего не изменится, — проговорила Вера, разливая чай по чашкам.

— Ты права. Толку нет сидеть здесь. Надо ехать в Краснодар, — Анатолий Ренатович остановился и посмотрел на жену горящими глазами. — Нужно помочь коллегам.

— Толя, а как же твои больные? — развела она руками. — Ведь что ни день — что-то происходит.

— Здесь остается Яров. Пусть к нему идут за помощью. Как-никак он — академик медицинских наук. Уж побольше моего знает и умеет.

— А если ты сам подцепишь эту болезнь? — забеспокоилась Вера. — Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

— Вера права, — поддержал я женщину, нарезая свежий ароматный хлеб. — Поэтому поедем вместе. Присмотрю за вами.

— Этого только не хватало! — Вера неодобрительно посмотрела на меня. — Я против вашей поездки. В конце концов, это дело медицинского департамента. Пусть они отправляют своих лучших работников бороться с недугом.

— Разве можно найти кого-то лучше нас? — лекарь подмигнул мне и улыбнулся.

— А как же учеба?

— Еще три недели до начала занятий. Успеем, — махнул рукой Анатолий Ренатович.

Женщина долго возмущалась и отговаривала, но лекарь был непреклонен. Он сказал, что обязан ехать туда, где нужна его помощь. А меня берет с собой, так как не раз убеждался в том, что я смогу не только себе помочь, но и другим. К тому же мне как будущему медику нужно набираться опыта и смело идти против любой болезни.

— Тогда и я с вами, — решительно сказала Вера, когда поняла, что отговорить нас не удастся.

— А вот это точно лишнее, — Анатолий Ренатович строго посмотрел на жену. — Женщинам там не место.

— Как всегда, — закатила она глаза. — Почему все мужчины думают, что женщины слабые?

— Я не говорил, что ты слабая, но, если с тобой что-то случится, я себе этого не прощу. К тому же кто-то должен присматривать за садом и огородом, — лекарь опустил за стол, налил горячий чай в блюдце и с шумом отпил. — Смородиновый лист как раз к месту. Очень вкусный чай. Спасибо, Верочка.

Женщина повздыхала, но больше не стала настаивать на поездке. Видимо, понимала, что лекаря уговорить все равно не удастся.

Я до позднего вечера ждал вестей от Ильи, но почтальон так и не появился. Я не знал, как поступить правильно: ехать с лекарем или помочь в поиске Полины. Теперь все зависело от того, что ответит Илья.

— Когда поедем в Краснодар? — спросил я у лекаря, подсев к нему в саду на скамью.

Анатолий Ренатович лопал стручки и высыпал горох в корзину.

— Завтра же съезжу за билетами. А что? — он поднял голову и посмотрел на меня.

— От Ильи все еще нет ответа.

— Если ты откажешься ехать со мной — я пойму. Друзей надо разыскать.

Я кивнул и принялся помогать ему очищать горох.

— Здорово ты Мелехину утер нос, — с довольным видом сказал он. — Только переживаю, как бы он тебе не стал мстить. Учиться на лекаря тяжело. Надо много теории зубрить, преодолевать брезгливость и боязнь трупов. Помню, как я в первый раз попал в анатомический театр, — он усмехнулся и задумчиво посмотрел на луну, висящую над лесом на потемневшем фоне неба. — Труп был свежий, поэтому почти не пах, но, как только начали его разрезать, меня тут же стошнило прямо на пол. Я потом не только за собой убирал, но и за трупом кровь подтирал в наказание. Второй труп уже было легче перенести, но, когда нас вывезли на опознание утопленника, снова не стерпел. Столько лет лекарем работаю, а к трупам привыкнуть не могу. Жуть берет, и тошнота подступает. Ты хоть раз вблизи труп видел? — спросил он меня.

— Видел, — кивнул я. — На похоронах и наставника своего, Ерофея.

На самом деле я видел горы трупов на поле брани: расчлененные тела, обезображенные лица, выпотрошенные кишки и разлагающуюся плоть. В одном из походов я со своим отрядом наткнулся на дикое племя людоедов, которые украшали свои жилища черепами съеденных людей, а на груди носили высушенные фаланги человеческих пальцев. Они так легко относились к смерти, что бросались на нас — вооруженных до зубов магов — с деревянными копьями и каменными топориками. Также я узнал, что в голодные годы, когда неблагоприятная погода приводила к неурожаю, они убивали своих стариков и съедали их. Притом старики никак не пытались спастись, а даже чаще убивали себя сами, чтобы помочь потомкам принять это простое решение.

Прошлая жизнь закалила меня и научила проще относиться к разного рода неудачам и трудностям, но у меня было одно больное место — это мои родные. Я не мог себе представить, что могу навредить кому-то из них, и становился диким опасным зверем, если им угрожала опасность. Вот и теперь, не имея семьи, я искал себе близких по духу людей и старался оберегать их. Полина и Сергей стали моими близкими, поэтому я переживал за них. Надеюсь, у Ильи получится хоть что-то разузнать об их судьбе.

— О чем задумался? — вывел меня из воспоминаний голос лекаря.

— Да так, ни о чем, — пожал я плечами, дочищая последние гороховые стручки.

Мы зашли в дом и, пожелав друг другу доброй ночи, разошлись по комнатам.

Лекарь Илья окончил прием больных поздно вечером. Выпроводив старушку, которая каждую неделю находила у себя новую болячку, он устало опустился на стул и потер глаза. Весь последний месяц он замещал двух лекарей, один из которых слег с оспой, а второй сломал ногу, поэтому работы прибавилось.

Взглянув на кипу историй болезни, которые нужно было заполнить должным образом, он не смог сдержать тяжелый вздох. Ему стало казаться, что его жизнь состоит из череды больных людей и бесконечной писанины. Он уже не помнил, когда мог просто прогуляться по городу, а не спешить на вызов. Или когда спокойно сидел в трактире и общался с друзьями, а не отвечал на бесконечные вопросы посетителей трактира, которые знали, что он лекарь, и подходили со своими проблемами.

— Илья Валерьянович, ты до сих пор здесь? — в дверях показался коллега, который так же, как и он, засиживался допоздна.

— Здесь, Павел Романович, — скорбным голосом ответил Илья.

— Может, пойдем выпьем чего-нибудь покрепче? — предложил он.

— Я бы с радостью, но сам видишь, — он кивком указал на истории болезней.

— А-а-а, — понимающе кивнул тот. — С этим тянуть нельзя. Завтра уже не вспомнишь, кто с чем приходил. Ну ладно, не буду тебя отвлекать, — доктор уже хотел закрыть дверь, но Илья вскочил с места и воскликнул:

— Подожди! Пойдем в трактир. Надоело все! — он рывком снял с себя белый халат, схватил с крючка сюртук и ключи.

Когда мужчины вышли на улицу, Павел Романович указал на ближайший трактир, в котором Илья не раз сидел со своим другом Степаном Устиновым и в котором его все знали, но Илья отказался. Он понимал, что снова не удастся спокойно посидеть, поэтому повел товарища в трактир, который находился аж в конце соседней улицы.

— Слышал про эпидемию? — спросил Павел Романович.

— Да-а, лишь бы до нас не добралась, а то и так работы невпроворот, — кивнул Илья.

— Как думаешь, что это может быть?

— Даже не представляю. Ясно одно — ничего хорошего ждать не приходится. Либо половину населения выкосит, как чума. Либо к зиме пропадет.

— Если введут карантин, то до нас не доберется, а если нет — пиши пропало. Мы с тобой не только днем, но и ночью не сможем выйти из больницы, — невесело усмехнулся Павел Романович.

— Не-е, я сыт по горло этой неблагодарной работой. Иногда хочется все бросить и пойти на завод обычным рабочим. Отработал смену и домой — красота. А у нас что? У меня уже три часа назад как рабочий день закончился, но разве это кого-то волнует, ведь обязаны сидеть до последнего пациента.

— Ты прав. В последние деньки работы прибавилось, но я не жалуясь и про завод не думаю. Уж лучше чистеньким, в белом халате в кабинете сидеть, чем гарью дышать и тяжести таскать. Погоди, привыкнешь и перестанешь так страдать, — он по-дружески похлопал Илью по плечу.

— Не хочу к такому привыкать, — буркнул лекарь.

Они добрались до трактира, где выпили по две рюмки коньяка, съели запеченного карпа и разошлись по домам.

Когда Илья открыл дверь, увидел конверт, который подсунули в щель у пола. Это была телеграмма от Степы, в которой он просил выяснить, где именно пропала Полина Базарова. Илья понимал обеспокоенность друга, поэтому решил с самого утра перед работой сходить к Базаровым и все выяснить.

Переодевшись в пижаму, он забрался под одеяло и почти сразу же заснул. Снились ему больные. Сотни и тысячи больных обступили его со всех сторон и без конца что-то говорили, отчего возникал гул, в котором невозможно было разобрать ни слова, сколько бы он ни пытался. Потом этот сон сменился на истории болезней, которые летели, махая страницами, к его дому и облепляли его.

Всю ночь промучавшись кошмарами, он проснулся по будильнику и первым делом со злости задулил его под печь, а уже потом нехотя поднялся, умылся и, выпив кружку прохладного молока, пошел к дому Базаровых.

Утром, после завтрака, появился почтальон с телеграммой от Ильи. В ней лекарь писал, что дворецкий знает лишь то, что Полина в последний раз отправляла телеграмму из Нижнего Новгорода почти три недели назад. Из гостиницы «Виолетта», в которой они с Сергеем жили, потом съехали, но в Москву так и не прибыли. Старший Базаров поднял жандармерию и ищет ее.

— Плохие новости? — осторожно уточнила Вера.

Они с лекарем настороженно наблюдали за мной. Видимо, у меня на лице было написано, что я обеспокоен.

— Мне нужно в Нижний Новгород, — сказал я, сложил телеграмму и убрал ее в карман.

— Когда? — спросил Анатолий Ренатович.

— Зачем?! — одновременно с ним воскликнула Вера.

— В Новгороде последний раз видели Полину. Оттуда я могу взять ее след.

— Как это «взять след»? Как ищейка, что ли? — недоуменно спросила Вера.

— Почти, — улыбнулся я.

— Езжай, — кивнул лекарь. — Ты знаешь, что делаешь.

— Спасибо за поддержку, — кивнул я и поспешил на второй этаж собирать вещи.

Я решил перебороть свое предвзятое отношение к дирижаблям и добраться до места именно на нем, ведь это был самый быстрый способ передвижения. На прощание Вера попросила держать их в курсе дел, а Анатолий Ренатович пообещал дожидаться меня, чтобы вместе поехать в Краснодар.

— Удачи тебе, и помни — ты не один. Мы всегда готовы прийти к тебе на помощь. Ты можешь на нас положиться, — напутствовал лекарь.

— Спасибо. Я очень дорожу вами.

Я чмокнул в щеку прослезившуюся Веру, крепко пожал руку Анатолию Ренатовичу, забросил на плечо рюкзак, некогда подаренный Семеном, и вышел со двора.

Извозчик Сергей, увидев меня в окне у своей калитки, поспешил навстречу.

— Снова в Москву? — спросил он, спускаясь с крыльца.

— Угадал.

— Да что тут гадать? — улыбнулся он. — По деревне можно и пешком прогуляться. Куда едем?

— На вокзал. Надеюсь, успею на ближайший дирижабль до Нижнего Новгорода.

— На кой тебе в Новгород? Родня там живет? — спросил он, выводя коней из стойла.

— Не совсем, — ушел я от ответа.

— Что будешь делать, если дирижабль уже улетел? — уточнил он.

— Ты мне отдашь на время одного из своих резвых коней. За хорошую плату, конечно.

— Запросто. Тебе, как постоянному клиенту, даже скидку сделаю, — кивнул он.

Позже, когда мы добрались до вокзала, выяснилось, что как раз сегодня в обед есть рейс до Нижнего Новгорода. Я купил самый дешевый билет и занял место на скамейке у окна. Оставалось надеяться, что Полина жива и все не напрасно.

Время шло мучительно медленно. Мне казалось, что стрелки на больших круглых часах, висящих на стене, будто увязли в чем-то желеобразном и с огромным усилием продвигаются вперед. Чтобы хоть как-то ускорить время, я вышел на улицу и обошел ближайшие лавки. Купил кружку кваса с мясной кулебякой и кусок вяленого мяса в дорогу.

Ровно в час дня началась посадка. Я поднялся в гондолу, чувствуя себя не так уверенно, как в прошлый раз. Теперь-то я знал, что даже в небе нельзя считать себя в безопасности.

В каюте кроме меня было еще трое мужчин. Они тоже обсуждали эпидемию, что надвигалась с юга. Я же мыслями искал Полину. Ходить пешком или нанимать извозчика не хотелось, поэтому решил взять лошадь в аренду. Возможно, след поведет меня в Москву или, наоборот, совсем в другую сторону. Как бы то ни было, руна «Наместел» и книга, подаренная Полиной, помогут мне найти ее... живую или мертвую.

Путь до Нижнего Новгорода занял почти пять часов. Когда дирижабль спустился на землю, начало вечереть.

Я вышел на улицу и вытащил из кармана телеграмму Ильи.

— Гостиница «Виолетта», — вслух прочел я и осмотрелся.

Поблизости никакой «Виолетты» не было. Я подошел к мужчине, сидящему на крыльце вокзала и лузгающему семечки.

— Не подскажите, где «Виолетта»? — спросил я.

— Виолетта? В первый раз слышу. Не знаю никакой Виолетту. Ольгу знаю, Проклу знаю, Виолетту не знаю, — пожал он плечами.

— Это гостиница так называется, — пояснил я.

— Тем более не знаю. Я дома живу, на кой черт мне гостиница?

— Ясно, — кивнул я и двинулся к извозчику, который только что остановился и внимательным взглядом высматривал клиента.

Уж кто-кто, а они лучше всех знают город.

— Подвезете до «Виолетты»? — спросил я.

— Отчего же не подвезти, — обрадовался он. — Садитесь, поехали.

Гостиница оказалась совсем недалеко, всего минут десять неспешной езды, но извозчик заломил такую цену, будто по всему городу меня прокатил. Я не стал идти у него на поводу и заплатил лишь половину озвученного, на что он начал возмущаться и грозить городовыми.

— Зовите городских. Вот они удивятся, когда узнают, как извозчики обманывают приезжих, — кивнул я.

— Ух-х, жмот! — выкрикнул он и быстро ретировался.

Я подошел к крыльцу, туда, где наверняка Полина проходила, и вытащил из рюкзака книгу, подаренную ей.

Прямо на книге я начал рисовать руну «Наместел». Как только руна активировалась, над книгой появилась голубая стрела, которая указывала вперед, на дорогу. Ну что ж, теперь я точно найду Полину. Осталось только надеяться, что она жива.

Глава 3

Я шел по булыжной мостовой Нижнего Новгорода, наблюдая за мерцающей голубой стрелкой, висящей над потрепанной книгой. Сначала стрелка привела меня на большой городской рынок. От торговых рядов пахло кислой капустой, пряностями, кожей и свежей древесной, а также вонючим сыром и протухшим мясом. Я почти не обращал внимания на то, что творится вокруг, наблюдая лишь за стрелкой, которая то заводила меня в лавку с тканями, то подходила к большому чану с живыми рыбами, которые плескались в речной воде, обрызгивая тех, кто с любопытством заглядывал в чан, то замирала у торговцев со сладостями. Я буквально шел след в след за Полиной. Магическая стрелка не могла пропустить неважное и вела меня, как собака-ищейка, которая учуяла нужный запах.

Время было вечернее, но на рынке было многолюдно. Толпились торговцы и покупатели, мальчишки-разносчики мелькали между ног, извозчики прикрикивали на лошадей. Стрелка же все вела меня вперед. Точно так же шла Полина. Наверняка что-то искала, ведь я то и дело заглядывал то в одну лавку, то в другую. Я обошел весь рынок, прежде чем вернулся к тому месту, где вошел. Потерял изрядно времени, но по-другому никак.

Стараясь не угодить под ноги лошадей и колеса повозок, я перебежал через перекресток и двинулся по пешеходной улице. Здесь я двигался гораздо быстрее, почти бежал, обходя дам в накидках и широкополых шляпах, господ в сюртуках и нянек с капризными барскими детьми. Я так увлекся наблюдением за стрелкой, которая иногда подрагивала и временами крутилась на месте, что чуть не налетел на городского — тучного мужчину с гладковыбритым лицом, который внезапно вышел из-за угла дома.

— Смотри, куда прешь! — грозно выкрикнул он.

— Извините, зачитался, — быстро ответил я, показав на книгу.

— Лицеист, что ли? — нахмутив кустистые брови, уточнил он.

— Ага, — кивнул я и поспешил дальше по дороге.

Вскоре я почувствовал прохладный запах реки с примесью тины и вышел на набережную. Здесь ветер трепал мне волосы и полы кафтана, чайки с криком носились друг за другом, пытаясь отобрать рыбешку. Стрелка повела меня к парапету. Я остановился у низкой каменной ограды и посмотрел на водную гладь, по которой проплывали пароходы и барки. Внизу, на берегу, по деревянным настилам суетно двигались грузчики с тюками, разгружая причаленный грузовой пароход.

Немного отдышавшись, я вновь посмотрел на стрелку. Она вела меня вдоль парапета к узким проулкам. Я двинулся в указанном направлении и оказался на тихой улочке, где не было ни повозок, ни всадников, ни прогуливающихся людей. Где-то скрипнула дверь, мяукнула кошка, слышался тяжелый старческий кашель. Что здесь понадобилось такой барышне, как Полина? Непонятно.

Стрелка упорно вела вверх по улице, поэтому я послушно следовал за ней. Это был жилой район, где нет ни лавок, ни трактиров, лишь старые дома и покосившиеся избы. Дорога грунтовая, с лужами, поэтому для прогулок Полина бы точно не выбрала эту улицу. Однако уже скоро я понял, куда вела меня стрелка.

Между двух каменных трехэтажных домов находилась небольшая мастерская по пошиву шляп. Время было позднее, поэтому мастерская была закрыта. Стрелка настаивала на том, что я должен зайти, и, как бы я ни старался увести моего ручного следопыта, она упорно показывала на мастерскую. Ясно было одно — чтобы продолжить движение, нужно зайти в мастерскую.

Я огляделся и увидел только двух пожилых женщин, бредущих мне навстречу. Сделав вид, что изучаю шляпки в витрине мастерской, я подождал, когда они пройдут мимо и отда-

лятся на приличное расстояние, прежде чем подошел к двери и, применив руны «Расщепления», зашел внутрь.

Стрелка провела меня по двум комнатам: в одной на полках лежали разнообразные шляпки, во второй, по-видимому, снимали мерки. Здесь стояли манекены, висели ленточные сантиметры и лежали заготовки. Только после того, как я прошел путь Полины по мастерской, стрелка вывела меня на улицу и повела дальше.

Я снова вышел к гостинице «Виолетта», но на этот раз подошел не к зданию, а обошел его с торца и увидел конюшни и навесы, под которыми стояли кареты.

После того как я прошелся вдоль навесов, стрелка повела меня к оживленной дороге. Я почти бежал по обочине и вскоре понял, что след ведет прочь из города. Полина уехала на карете, а не отправилась дальше на дирижабле или поезде. Теперь нужно и мне занять какое-нибудь средство передвижения.

Руна забрала у меня много энергии, ведь я уже несколько часов бегал по городу. Поэтому я огляделся, чтобы запомнить место, на котором остановился, и прервал действие руны. Лучшим решением будет остановиться где-нибудь на ночь и уже рано утром продолжить движение.

Прежде чем пойти на поиски постоянного двора, я остановил извозчика, медленно движущегося вдоль дороги.

— Куда везти? — с готовностью спросил он, увидев мою поднятую руку.

— Никуда везти не надо. Я бы хотел взять лошадь в аренду. Где это можно сделать?

— Ну-у-у, одну лошадь в аренду никто не даст. А вдруг ты с ней пропадешь и не вернешь? Хорошая лошадь дорого стоит, — с сомнением покачал он головой.

— Как же быть? — вопрос я адресовал не ему, а себе, но мужчина поспешил ответить.

— Купи у барышников по дешевке на Каменском проспекте, — предложил он. — Тебе хватит на поездку, а там можно на мясо сдать или продать за копейки. Я бы так сделал.

— Спасибо за подсказку, — кивнул я. — А где этот Каменский проспект?

— Вот по этой дороге пройдешь, на втором перекрестке свернешь, и дальше — все прямо. Упрешься аккуратно в рынок с лошадьми, — указал извозчик.

— Понял.

— Если надо, могу подвезти, — предложил он, стараясь все-таки подзаработать.

— Сам найду. Лучше подвезите до ближайшего постоянного двора с трактиром.

— Садись, — обрадовался он. — Прокачу с ветерком.

Я остановился в небольшом, но на удивление уютном постоялом дворе с милой девушкой-служанкой, которая выдала мне комплект чистого белья и проводила меня до комнаты.

Пожинав гороховым супом со свиной, поднялся к себе и, не теряя зря времени, лег спать. Мне нужно восстановить запас энергии. Можно было бы, конечно, воспользоваться камнем, но я решил, что его следует использовать лишь в самом крайнем случае. Мне стало казаться, что природная энергия может исчерпаться, и тогда я останусь без поддержки, которая в некоторых случаях крайне необходима.

Ночь пролетела почти незаметно. Мне казалось, что я едва успел закрыть глаза, как в дверь тихонько постучали, и послышался девичий голосок:

— Степан Алексеевич, вы просили разбудить! Уже утро! Вставайте! Завтрак готов! Вы меня слышите? — она снова постучала, но на этот раз гораздо настойчивее.

— Слышу-слышу, — пробурчал я, вылезая из-под подушки. — Уже встаю.

— Вот и ладненько! — обрадовалась она. — Яичницу с салом будете?

— Буду.

— А чай с молоком?

— Буду.

— Сейчас накрою на стол. Спускайтесь! — послышались удаляющиеся шаги.

Я поднялся с кровати и, прихватив чистое полотенце, пошел умываться. Не знаю, во сколько начнется продажа лошадей, но буду в числе первых покупателей. Денег у меня достаточно, поэтому возьму здоровую, сильную и быструю лошадь. Возможно, позже именно на ней я вернусь в Выселки и в дальнейшем буду использовать ее для поездок, а то на извозчика Сергея потратил уже солидную сумму.

Когда спустился в трактир, увидел, как служанка расставляет посуду с подноса на стол.

— Степан Алексеевич, прошу к столу. Все горячее, с пылу с жару, — улыбнулась она.

— Спасибо, э-э-э...

— Акулина меня зовут, — еле слышно ответила служанка и почему-то зарделась.

— Спасибо, Акулина, за заботу.

Девушка кивнула и, зажав поднос подмышкой, торопливо двинулась в сторону кухни, откуда слышалось шкворчание, звук льющейся воды и пение. Уже у самой двери она остановилась и осторожно спросила:

— Вы у нас надолго остановились?

— Нет. Поем и уеду, — ответил я, опускаясь на скамью.

От еды так аппетитно пахло, что рот наполнился слюной.

— Жалко, — выдохнула девушка и исчезла за дверью.

Чего именно ей было жалко, я не понял. Может, хотела, чтобы я задержался и побольше заплатил. Или я ей понравился, поэтому хотела продолжить знакомство. Но я здесь с определенной целью и не буду отступать от задуманного. Нужно найти Полину, и как можно быстрее.

С аппетитом съев яичницу с салом и чай со сладкой булкой, оплатил хозяину, натирающему стаканы за стойкой, свой завтрак и вышел на улицу. Время было примерно шесть утра, поэтому дороги пустовали. Я решил не ждать появления извозчиков и торопливо двинулся туда, где торговали лошадьми.

Идти пришлось довольно далеко, километра три, а может, и все четыре. Прохожие направляли меня, поэтому через полчаса я добрался до нужного места. Это был большой пустырь, по периметру которого расположились различные постройки: навесы, стойла, лавки.

Площадь пустовала, и только из стойл слышался тяжелый стук копыт и ржание. Пришлось ждать не меньше часа, когда начал стекаться народ. Кто-то продавал, кто-то покупал. Я увидел щуплого мужичка с двумя пегими красавцами и поспешил к нему навстречу.

— Добрый день. За сколько продаете? — спросил я и провел рукой по морде рыжего коня с белыми пятнами.

— Понравился мой Буран, да? — с довольным видом спросил он.

— Понравился. Так за сколько отдадите?

— А сколько сам предложишь?

— Ну... я даже не знаю. Рублей сто? — предположил я.

— Чего? Какие сто рублей? С дуба упал и землю башкой пропахал? — возмутился мужичок. — Меньше чем за двести не отдам.

— Дорого, не возьму, — потеряв интерес к коню, я двинулся к другому продавцу, который пригнал на площадь аж семерых молодых лошадок.

— Эй, парень, за сто восемьдесят купи! — крикнул мне вслед мужичок.

— Сто пятьдесят, и куплю! — ответил я.

Видно было, что мужичок сомневается. Он смотрел то на меня, то на коня.

— Ну что? У меня нет времени ждать! — поторопил я.

— Эх, ладно! Твоя взяла! — махнул он рукой.

Я с радостью вернулся обратно. Конь мне понравился, и очень не хотелось его упускать, но и переплачивать не желал. Заплатив ровно сто пятьдесят рублей, я взял коня под уздцы.

— Вы сказали, его Буран зовут?

— Да, Буран. Хороший конь. Ежели не нужда — не продавал бы, — он явно расстроился, что приходится прощаться с конем.

— Какая нужда? Что случилось?

— Намедни дом сгорел со всем скрабом. Сами еле ноги унесли. Теперь вот ютимся всемером у свекрови. Хорошо хоть огонь на конюшню не перекинулся, а то бы и их потерял, — мужичок любовно провел рукой по крупу Бурана и тяжело вздохнул. — На эти деньги одежду своим пятерым детям справлю и муки с картошкой накуплю.

— На, держите. Вам нужнее, — особо не раздумывая, я полез в рюкзак и вытащил несколько купюр, всего — пятьдесят рублей.

— Да как же так-то? — удивился он, не спеша забирать деньги. — Ведь договорились уже. Я от своих слов не отказываюсь.

— Тогда возьмите как помощь от чистого сердца.

— Вот спасибо тебе, парень, — обрадовался он, спрятал деньги в нагрудный карман и крепко пожал мне руку. — Век не забуду.

— Берегите детей, — кивнул я, взял Бурана за узду и повел к торговцам, чтобы купить седло и сбрую.

Вскоре я уже сидел на коне и ехал на то самое место, где оборвал след Полины. Пришло время продолжить путь с новыми силами и на здоровом крепком коне.

На похороны Рачкова, которые проходили у него дома и с участием людей архимонаха Рязанова, пришли всего человек десять, и то по большей части его сослуживцы, которые нашли повод прогулять работу, а заодно хорошо выпить и закусить. Сам архимонах не присутствовал, чтобы не скомпрометировать себя связью с наемным убийцей.

Позже, в тот же день, его люди рассказали, как прошли похороны. Во-первых, скорбь на лицах была наигранной. Одна женщина, вроде бы помощница по дому, пыталась вызвать слезы, но ничего не получилось. Еще один сказал очень проникновенную речь про умершего, но никто даже бровью не повел. Будто все ждали, когда же наконец похороны закончатся и позовут за стол.

Когда гроб с телом положили в повозку и повезли в сторону кладбища, только трое мужчин вышли сопроводить. Остальные остались в доме. Архимонах велел все почистить, поэтому еще до похорон из дома исчезли наряды, парики и прочая атрибутика. Из сейфа пропало почти все оружие — осталось только охотничье ружье, ведь все знали, что поездки Рачкова связаны с его страстью — охотой. Архимонаха эта теория вполне устраивала, поэтому он попросил подстроить все именно таким образом.

Пришедшие на похороны сослуживцы бесцеремонно забрали все, что им понравилось, и никто им не мешал это сделать. Служанка Рачкова, которая боялась его как огня, наконец-то с облегчением выдохнула и просидела весь день на кухне, пробуя деликатесы, к которым наемник относился очень бережливо и не позволял служанке к ним даже прикоснуться. Это были сыры долгой выдержки, черная икра, засахаренные заграничные фрукты и орехи, а также мармелад и пастила.

К вечеру все, кто собрался проводить наемника в последний путь, настолько развеселились, что устроили настоящий праздник с музыкой, танцами и пением. Даже городовым пришлось вмешаться, потому что соседи никак не могли утихомирить шумных гостей.

— Неужто не было ни одного человека, который бы любил Рачкова? — задумчиво спросил архимонах у охранника, доложившего обо всем.

— Если и был такой человек, то на похороны не приходил. Единственный, кто горевал о нем — это его кот. Тот весь день пролежал на его кровати и не польстился даже на блюдечко с молоком, которое предложила ему служанка.

— И где теперь этот кот?

— Понятия не имею, — пожал плечами охранник.

— Свободен, — устало кивнул Прокопий.

Мужчина развернулся и вышел, а архимонах почувствовал пустоту в груди. Рачков хоть и был убийцей, но они много лет успешно сотрудничали. Наемник по приказу Рязанова убил не меньше тридцати магов и врагов ордена, чем здорово облегчил ему жизнь.

Прокопий невесело усмехнулся. Он хотел убить Рачкова из страха перед ним, но оказалось, что только он по-настоящему жалеет о его смерти.

— Воля Истинного необъяснима, — сказал он и, запахнув махровый халат на толстом животе, поднялся с кресла.

Со вчерашнего дня он ждал сведений о Степане Устинове, но тот как в воду канул. Неужто узнал о замысле архимонаха и скрылся? Нет-нет, это невозможно, ведь никто кроме него самого и двух верных людей не знает о том, что он задумал.

Однако пропажа знахаря не сильно беспокоила Прокопия. Если не сейчас, то к началу учебного года он точно объявится. Вот тогда с ним и разберутся. Правда, после этого его не будут хоронить, ведь даже останков не найдут.

Архимонах посмотрел на часы и пошел одеваться в парадную одежду, называемую Оде-
янием Великого служения — это был многослойный наряд, украшенный золотой вышивкой и драгоценными камнями. В такую одежду он одевался, лишь когда принимал приглашение какого-нибудь важного господина или высокопоставленного чиновника. Сегодня он шел на званый ужин к самому брату императора. Мысль о том, что он, Прокопий Рязанов, крутится в таких высоких кругах, возвышала его в своих же глазах. Да, он уже не деревенский мальчик из бедной семьи и не служитель в небольшом захолустном храме, а Его Святость — высший чин в ордене «Лица Истинного».

Глава 4

Лекарь Илья снова весь день просидел на приеме, а поздно вечером вместо того, чтобы пойти домой, двинулся в стационар проверить своих больных, за которых переживал. Коллеги часто говорили ему, что не следует принимать проблемы других людей близко к сердцу, но он так не умел. Илья с детства был очень сердобольным и восприимчивым и именно поэтому пошел учиться на лекаря. Правда, тогда он представлял все по-другому. Ему казалось, что каждый больной, который обращается к нему за помощью, обязательно выздоровеет, однако реальность внесла коррективы.

Оказалось, что больные в большинстве случаев не соблюдают его рекомендации: забывают пить лекарства или намеренно этого не делают, потому что считают, что те не помогают, либо потому что не нравятся на вкус. А еще он понял, что медицина чаще снимает симптомы, но не избавляет от причины болезни. Ему же хотелось понять механизм заболевания, чтобы уметь его предотвращать.

Он настоял на том, что сам будет лечить своих больных, поэтому ходил в стационар два, иногда три раза, чтобы проконтролировать прием лекарств. Еще он много разговаривал с пациентами, чтобы докопаться до сути. Вчера к нему попала женщина с отравлением после того, как ела позеленевший картофель. Симптомы типичные для других желудочно-кишечных болезней: рвота, понос, горечь во рту, но только подробно собранный анамнез позволил понять причину и объяснить женщине, что так делать не следует, иначе она после выписки очень скоро обратно попадет в больницу.

Чуть позже, после стационара, он вышел на улицу и, мельком взглянув на звездное небо, поплелся в сторону дома. Он так устал, что с трудом заставил себя ускориться, чтобы не попасть под копыта мчащегося всадника. Вереница больных, страшных ран, гнилых зубов, опухших животов так и мелькала перед глазами.

— Эй, парень! — услышал он крик.

— Завтра приходите на прием, — устало выдохнул он и поплелся дальше, даже не взглянув на говорившего.

— Ты что, не узнал меня, что ли? — удивился тот.

Илья нехотя обернулся и взгляделся в темный мужской силуэт. Ближайший фонарь стоял в отдалении, поэтому во тьме не было видно лица.

— Нет, не узнал, — пожал он плечами.

— Да я же Антип, кучер господина Базарова. Ты подходил ко мне и спрашивал о нем, — мужчина приблизился, и только сейчас Илья разглядел его лицо. Это действительно был кучер, который лично отвез старшего Базарова на вокзал, когда тот ехал на поиски дочери.

— А-а, Антип. Добрый вечер, — кивнул он и по привычке поинтересовался: — Как самочувствие? Где болит?

— Ничего не болит, только палец припух, но это ерунда, — отмахнулся он. — Вы дали мне пятак и попросили оповестить, когда господин вернется. Так вот, за тем я здесь и сижу, чтобы сказать, что он вернулся.

— Базаров вернулся? С дочерью? — оживился Илья.

Усталость и сонливость будто рукой сняло.

— Один. Поинку так и не нашел, — кучер опустил курчавую голову. — Нигде ее нет. Похоже, убили нашу госпожу.

— Да ты что, — выдохнул ошеломленный Илья.

Первая мысль, которая сразу же промелькнула в голове — как рассказать об этом Степе? Вторая мысль — навеститься самому к Базарову и сначала обо всем подробно расспросить.

— Ты пешком или на экипаже? — уточнил лекарь.

— На экипаже. Кучера пешком не ходят, — с гордостью заявил он и указал на карету с впряженным рысаком.

— Поехали к Базарову, — Илья решительно двинулся к карете и, не дожидаясь, когда перед ним откроют дверь, сам взобрался туда и с силой захлопнул. — Гони, Антип!

В особняке Базаровых Илья за последнее время был уже трижды, но только сегодня с порога почувствовал уныние, царящее в доме. Дворецкий с красными глазами и хлюпающим носом заметно постарел и сгорбился. Увидев в дверях Илью, он помотал головой и еле слышно ответил:

— Всеволод Афанасьевич никого не принимает.

— Скажите ему, что я — друг Степана Устинова, — с нажимом проговорил лекарь. — Степан должен знать, что с Полиной, и я никуда не уйду, пока все не разужнаю.

Дворецкий хотел было возмутиться, даже глаза загорелись праведным гневом, но уже через секунду он сокрушенно покачал головой и махнул рукой.

— Идите за мной, но, если господин вас выгонит, вините в этом только себя. Неправильное время выбрали для вопросов.

— Разберемся.

Дворецкий проводил Илью до кабинета и, приоткрыв дверь, несмело произнес:

— Господин, к вам пришли.

— Никого не хочу видеть, — послышался в ответ глухой голос.

— Но...

Илья отодвинул старика, зашел в кабинет и закрыл дверь. Базаров сидел в кресле за столом. Лишь одна единственная свеча разгоняла тьму.

— Добрый вечер, Всеволод Афанасьевич. Возможно, вы меня не помните. Меня зовут Илья Валерьянович, и я лекарь в...

— Что надо? — сухо спросил Базаров.

— Мой друг — Степан Устинов — очень беспокоится о Полине и Сергее. Он попросил меня обо всем разузнать, потому что не дождался вашего ответа.

— Степан? — голос немного смягчился, а сам Базаров облокотился о стол, и свеча озарила его осунувшееся лицо. — Сам-то он где?

— В Москве. Сдал экзамены. Поступил в медицинскую академию, — не без гордости ответил Илья.

Он не раз убеждался в магической силе Степана и был очень рад, что тому удастся осуществить мечту и стать лекарем. Илья был уверен: его друг достигнет больших высот.

— Молодец. Я в нем несколько не сомневался. Он ведь однажды спас мою Полину, — мужчина улыбнулся уголками губ, но глаза оставались печальными.

— Я знаю об этом, — не спрашивая разрешения, Илья прошел к столу и опустился в кресло напротив. — Он просил меня разузнать, что с Полиной и Сергеем.

Всеволод Афанасьевич не торопился с ответом, он посмотрел на пляшущее пламя свечи и тяжело вздохнул. Илья и сам понимал, что случилось что-то плохое, но он хотел знать подробности, чтобы доложить Степе.

— В последний раз она отправляла мне телеграмму из Нижнего Новгорода. Написала, что добрались хорошо. Отдохнут денек и дальше поедут... Это была последняя телеграмма, — Базаров порылся в кармане сюртука и высыпал на стол ворох листков телеграммы. — Вот здесь они все. По моей просьбе она всю дорогу высылала мне сообщения, чтобы я не волновался.

Мужчина принялся расправлять телеграммы и выставлять их в ряд, пробегая взглядом по тексту. Илья терпеливо ждал продолжения рассказа.

— Жандармы выяснили, что в Новгороде они останавливались в гостинице «Виолетта». Оттуда я и начал поиски, но, — он развел руками, — они как в воду канули. Никто ничего не видел и не слышал. Билеты они ни на поезд, ни на дирижабль не покупали — это тоже

жандармы выяснили, ведь на вокзалах все записывают. Я даже не знаю, уехали они из города или до сих пор где-то там. Отправил в разные стороны сыщиков, но вестей никаких нет... Сердце чует недоброе, — он горестно вздохнул, покачал головой и прижал руку к груди.

— Не надо сразу думать о плохом. Может, где-то в дороге застряли? — предположил Илья.

— На дороге им бы помогли. От Новгорода до Москвы движение оживленное. А ведь от них уже больше трех недель ни слуху ни духу.

Базаров то собирал телеграммы, то раскладывал их вновь. Делал он это машинально, ведь мыслями был далеко отсюда.

— Не стоит отчаиваться. Пока нет тела, о плохом думать рано, — попытался успокоить старшего Базарова Илья, хотя сам понимал, что, скорее всего, Полины и Сергея уже нет в живых.

Базаров, казалось, не слушал его и лишь изредка тяжело вздыхал. Илья посидел еще немного, пытаясь придумать, как утешить встревоженного отца Полины, но так и не подобрал нужных слов. Да и какие слова могут помочь в такой беде?

— Хотите что-нибудь передать Степе? Я завтра утром отправлю ему телеграмму.

Всеволод Афанасьевич на мгновение задумался и кивнул:

— Передай ему успеха в учебе. И пусть меня не забывает и хоть иногда пишет. А еще передай, что он всегда может обратиться ко мне за помощью.

— Передам, — Илья поднялся и добавил: — Сил вам и мужества. Будем надеяться, что Полина объявится.

Базаров кивнул и вновь уставился на свечу. Илья вышел из кабинета и чуть не столкнулся с пожилым дворецким.

— Уже уходите? — спросил слуга.

— Да. Следите за хозяином. Выглядит он неважно. Если понадобится помощь, отправляйте за мной. Меня зовут Илья Валерьянович. Я лекарь в центральной больнице, — предупредил он.

— Как скажете, — кивнул дворецкий и проводил лекаря до двери.

Илья вышел на улицу и опустил на ступеньку. Силы покинули его окончательно.

Буран оказался послушным конем. Одно моего слова или движения хватало, чтобы утихомирить его или ускорить. Я выехал из города и поскакал по широкой проселочной дороге — туда, куда вела меня стрелка руны «Наместел». Я бодрился как мог, хотя понимал: если за столько времени Полина с Сергеем не дали о себе знать, значит, случилось что-то плохое. Возможно, они мертвы.

Почему друзья поехали на карете, а не на поезде или дирижабле? Они ведь знали, что дороги между городами буквально кишат всяким сбродом. Сергей мне сам рассказывал о том, как его отец нанимает десяток вооруженных до зубов мужчин, которые сопровождают грузы по дорогам, чтобы купцов не обобрали. Да я и сам не раз сталкивался с разбойниками. Почему они были так неосмотрительны?

— Но! Буран, гони! — тревога за друзей буквально подталкивала меня вперед.

Я лишь изредка посматривал на книгу, которую разместил на седле, чтобы удостовериться, что еду в правильном направлении.

Дорога была довольно оживленная. Мне то и дело попадались повозки с различным грузом, дилижансы с пассажирами, шикарные кареты с охраной и простые всадники. Через пару часов я подъехал к мосту через реку и решил дать Бурану отдых, заодно напоить.

Спрыгнув на землю, я повел его к реке сквозь высокую траву и густой кустарник. Конь тяжело дышал после быстрого бега, весь взмок и обмахивался хвостом от мух и слепней, кото-

рые облепили нас, едва мы остановились. Почувяв воду, он ускорился, буквально волоча меня за собой, однако, когда мы приблизились к самой темной реке, Буран остановился как вкопанный и принялся мотать головой, будто почуял опасность.

Я тоже осмотрелся, но ничего необычного не заметил. Все залито полуденным солнечным светом, над травой носятся насекомые, из леса слышится птичий щебет.

— Все хорошо, — я погладил коня по шее, чтобы успокоить. — Здесь никого нет.

Однако Буран попятился, шумно вдыхая воздух и остервенело шаря глазами по всей округе. Он явно что-то чуял, но что? На всякий случай я создал вокруг нас магический кокон с помощью руны «Щит» и, развернув Бурана, поспешил к дороге.

Мы уже почти выбрались из зарослей кустов на широкую проселочную дорогу, как сзади послышались шорохи. Обернувшись, увидел, что неподалеку стоит девчушка лет десяти в цветастом сарафане и с алой лентой на голове, а рядом с ней — большой рогатый козел с колокольчиком. Девочка держала козла за веревку, привязанную к его шее, и настороженно смотрела на меня.

— Здравствуй, — улыбнулся я как можно дружелюбнее, чтобы не испугать. — Ты как здесь очутилась?

— Из дому пришла, — еле слышно ответила она.

— Из дому? — удивился я и огляделся. С двух сторон от дороги возвышался старый дремучий лес. Впереди — мост и узкая заросшая речка. — Где же твой дом? Лес кругом.

— Там, — неопределенно махнула она рукой.

— Одной не страшно здесь ходить?

— Я не одна, — она любовно погладила козла и прижала его рогатую голову к своей груди.

— Ясно, — я хотел продолжить путь, но Буран не двигался и словно окаменел, глядя на девочку с козлом. — Пошли.

Я похлопал его по шее, но конь даже не шелохнулся. Время шло, Буран не двигался. Я уже начал терять терпение. Кроме деревенской девочки и козла никого не было, опасности не чувствовал. К тому же время — полдень, а не ночь, когда вылезают всякие твари.

— Дяденька, что с вашим конем? — любопытствовала девочка.

— Сам не знаю. Похоже, он превратился в осла, — я зло зыркнул на него и с силой потянул за поводья.

В первый раз за две жизни встретил настолько упертого коня, а ведь сначала он показался таким послушным, что я даже удивился. По практике я знал, что обычно молодые кони ведут себя резво и только ждут удобного случая, чтобы пуститься вскачь и размять ноги.

— Ну же! Буран! Пшел! — воскликнул я и в сердцах ударил коня ладонью по крупу. Конь возмущенно заржал, но с места не тронулся.

Вдруг краем глаза я заметил какое-то движение. Резко обернувшись, увидел, как прямо на нас несется тот самый козел, выставив вперед рога. Девочка с интересом наблюдала за нами, накручивая на руку веревку, которая раньше болталась на шее козла.

Я машинально приготовился отразить удар, а Буран в последний момент резко ломанулся в сторону, вырвав у меня из рук поводья. Козел, которому, казалось, не мешает ни высокая трава, что путается под ногами, ни заросли извилистого кустарника, пролетел мимо меня как раз туда, где до этого стоял Буран.

Прижав уши и раздувая ноздри, конь выбежал из травы на дорогу и галопом поскакал в ту сторону, откуда мы приехали.

— Буран! Назад! — закричал я, но конь меня не слышал.

Он бежал так быстро, будто за ним гнался сам дьявол. Руночерть задери! Неужели я останусь на дороге один, без коня?

— Буран! Вернись! Тпру-у-у! — закричал я во все горло, сложив руки в виде рупора.

Однако конь улепетывал, оставляя за собой поднятую с дороги пыль. Вскоре он скрылся из виду, и топот стих вдали. Я с досадой смотрел ему вслед, не зная, что делать дальше.

— Помогла я тебе? — слышался девичий голосок.

Я посмотрел на нее, затем перевел взгляд на козла, который сначала бежал вслед за конем, но быстро понял, что его не догнать, и теперь возвращался обратно, на ходу щипая придорожную траву.

— Нет, не помогла, — буркнул я. — Как я теперь без коня? Что за шутки такие? Мне нужно ехать, а Буран убежал.

— Тебе уже никуда не надо. Ты остаешься со мной, — улыбнулась она, но какой-то неестественной улыбкой, ведь глаза оставались серьезными.

— Что ты такое говоришь? — насторожился я. — Не останусь я с тобой, у меня срочное дело.

И тут я понял, что книга осталась на спине Бурана, зажатая под седлом. Как мне теперь искать Полину? Черт бы побрал козла и его хозяйку!

— Нет, — сказала девочка с серьезным видом и покачала головой.

— Что «нет»?

— Черт бы меня не побрал. Он мне служит, — она говорила без тени улыбки, а я даже не заметил, что рассуждал вслух.

Я был раздражен и злился на девочку, которая зачем-то натравила своего боевого козла на моего коня. Все-таки хозяин Бурана тот еще делец — мог бы, между прочим, предупредить, что его конь словно огня боится козлов. Другой бы скакун развернулся и дал копытом по рога-той голове, а Буран рванул, как заяц от волка.

— Ты не рассуждал вслух. И конь твой не такой уж и трус, как ты о нем думаешь. Животные видят и чувствуют то, что вы, люди, никогда не почувствуете.

Мне стало не по себе от ее слов. Девочка явно читала мои мысли, а ее козел уж очень пристально поглядывал на меня. Пожалуй, мне тоже нужно как можно быстрее...

— Не торопись, — она улыбнулась, но глаза оставались чужими и холодными, будто принадлежали другому человеку. — Я же сказала, что ты остаешься со мной.

— Кто ты такая? — настороженно спросил я и невольно переключил зрение.

То, что я увидел за личиной безобидного ребенка, повергло меня в шок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.